

УДК 94(47).083

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-174-184>

Военная цензура в России в 1914–1918 годы: структура, особенности работы, документальное наследие

И. К. Богомолов¹ ✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: bogomolov@inion.ru

Резюме

Актуальность темы исследования связана с сохраняющимися проблемами контроля и доступа к информации в современном информационном обществе.

Цель исследования: дать системное представление о военной цензуре в России в 1914–1918 годы в контексте развития позднеимперского государственного механизма.

Задачи: анализ структуры, деятельности, кадрового состава военной цензуры в России в годы Первой мировой войны; сосредоточение имеющейся на сегодняшний день информации о документах военной цензуры, хранящихся в различных российских и зарубежных архивах.

Методы. Для анализа структуры и функций военной цензуры использовался историко-типологический метод, при исследовании ее развития в годы Первой мировой войны – историко-генетический метод. Исследование кадрового состава, особенностей работы разных направлений цензуры производилось при помощи историко-сравнительного метода.

Результаты. В работе проанализированы законодательные основы и деятельность военной цензуры в России в годы Первой мировой войны. Показано, что военная цензура представляла собой сложную, многоуровневую структуру, не имевшую единоначалия и включавшую в себя представителей разных, подчас конфликтующих между собой ведомств. Эти особенности обусловили «разбросанность» документального наследия органов военной цензуры по многочисленным фондам российских и зарубежных архивов.

Выводы. Сложность структуры военной цензуры создавала многочисленные сложности в практике цензурного контроля. Хроническими недостатками русской цензуры военных лет были противоречивость решений, непоследовательность и недостаточная проработка нормативно-правовой базы, что зачастую вело к использованию военной цензуры в чисто политических целях (например, для цензуры речей оппозиционных депутатов Думы). Проблемы военной цензуры усугублялись хроническим дефицитом финансирования, недобором и большой «текучкой» кадров. В результате вместо того, чтобы стать эффективным орудием в руках правительства, военная цензура стала одним из факторов политического кризиса в России накануне революции 1917 года.

Ключевые слова: Первая мировая война; военная цензура; Главная военно-цензурная комиссия.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Богомолов И. К. Военная цензура в России в 1914–1918 годы: структура, особенности работы, документальное наследие // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 174–184. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-174-184>

Поступила в редакцию 26.08.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Опубликована 31.10.2024

© Богомолов И. К., 2024

Military censorship in Russia in 1914–1918: structure, features of work, documentary legacy

Igor K. Bogomolov¹ ✉

¹ Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: bogomolov@inion.ru

Abstract

The relevance of the research topic is related to the continuing problems of control and access to information in the modern information society.

The purpose of the study is to provide a systematic understanding of military censorship in Russia in 1914–1918 in the context of the development of the late Imperial state mechanism.

Objectives analysis of the structure, activities, and personnel of military censorship in Russia during the First World War; concentration of currently available information on documents of military censorship stored in various Russian and foreign archives.

Methodology. The historical and typological method was used to analyze the structure and functions of military censorship, and the historical and genetic method was used to study its development during the First World War. The study of the personnel, the peculiarities of the work of different areas of censorship was carried out using the historical and comparative method.

Results. The paper analyzes the legislative framework, structure and directions of military censorship in Russia during the First World War. It is shown that military censorship was a complex, multi-level structure that had no unity of command and included representatives of different, sometimes conflicting departments. These features led to the «scattering» of the documentary heritage of the military censorship authorities in numerous collections of Russian and foreign archives.

Conclusions. The complexity of the structure of military censorship created numerous difficulties in the practice of censorship control. The chronic disadvantages of Russian censorship during the First world war years were contradictory decisions, inconsistency and insufficient elaboration of the regulatory framework, which often led to the use of military censorship for purely political purposes (for example, to censor speeches by opposition Duma deputies). The problems of military censorship were aggravated by a chronic shortage of funding, shortage and high turnover of personnel. As a result, instead of becoming an effective tool in the hands of the government, military censorship became one of the factors of the political crisis in Russia on the eve of the Russian revolution.

Keywords: World War I; military censorship; Main Military Censorship Commission.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bogomolov I.K. Military censorship in Russia in 1914–1918: structure, features of work, documentary legacy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(5):174–184. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-5-174-184>

Received 26.08.2024

Accepted 30.09.2024

Published 31.10.2024

Введение

Обширная и многогранная тема цензуры в годы Первой мировой войны получила развитие в историографии лишь в последние два десятилетия. В советский период фактически не было обобщающих работ по истории цензуры поздней имперского периода, а документы военной цен-

зуры использовались в основном в качестве иллюстративного материала, наглядно показывавшего формы и методы борьбы царского режима с «революцией» и за настроения и умы армии [1]. В современных исследованиях только начинают раскрываться такие сюжеты, как структура [2], кадровый состав [3], по-

вседневная работа цензуры [4] в 1914–1918 гг. В руках историка есть обширная и до сих пор малоизученная источниковая база дореволюционной военной цензуры, документы которой, однако, «разбросаны» по десяткам фондов российских и зарубежных архивов. Это усложняет проведение обобщающих исследований, которые уже назрели, учитывая появление в последние годы достаточного количества работ, основанных на отдельных фондах и «местном», провинциальном материале [5]. В данной статье мы попытаемся показать особенности работы и структуры цензуры в России в годы Первой мировой войны, свести воедино информацию о ее документальном наследии.

Методология

Историко-типологический метод позволил провести всесторонний анализ структуры и функций военной цензуры, ее организационно-правовой самобытности в годы Первой мировой войны. Военная цензура являлась, с одной стороны, частью общей цензурной системы, с другой – приобрела неповторимые черты, характерные для всего позднеимперского государственного механизма: отсутствие единоначалия, ведомственность, организационно-правовая разнородность в зависимости от территории и ее близости к фронту.

Использование историко-генетического метода позволило проследить динамику структурных и организационных изменений военной цензуры, ее меняющейся роли и места во внутриполитических процессах накануне революции 1917 г.

Исследование кадрового состава, особенностей работы разных направлений цензуры производилось при помощи историко-сравнительного метода. В 1914–1918 гг. в воюющих государствах Европы сформировалось несколько организационных моделей военной цензуры, различавшихся структурой, местом в си-

стеме органов государственной власти, широтой полномочий, возможностями влияния на общественно-политические процессы, принципами повседневной работы и подбора кадров. Русская военная цензура отличалась децентрализованностью, ведомственной и кадровой неоднородностью, непоследовательностью и ошибками в работе. Все эти черты не были присущи только русской военной цензуре, через подобные ошибки и организационные трудности проходили цензурные системы всех воюющих государств. Основные отличия заключались в выбранных путях решения проблем и повышения эффективности работы. В этом смысле неоднократно происходившее за годы Первой мировой войны реформирование военной цензуры в России не было завершено и не принесло качественного улучшения, что было вызвано экономическими, кадровыми, внутривластными причинами.

Результаты и их обсуждение

20 июля 1914 г. в России было введено в действие «Временное положение о военной цензуре» (далее – «Временное положение»), разрабатывавшееся с 1909 г. [6] Вводилась предварительная цензура печати, отмененная в 1905 г. При Главном управлении Генерального штаба была создана Главная военно-цензурная комиссия (ГВЦК). В нее входили представители не только военного и морского министерств, но и МВД, МИД, министерства юстиции. Важно отметить, что большинство в комиссии составляли представители МВД: от Главного управления по делам печати (ГУДП), Главного управления почт и телеграфов (ГУПТ) и Департамента полиции. Подобная структура (за исключением представителей МИД и министерства юстиции) была и в местных комиссиях, созданных при штабах военных округов и фронтов. Военно-цензурная система значительно усложнялась из-за разделения территории страны на зоны «полной» (на театре военных

действий) и «частичной» военной цензуры. В прифронтовых губерниях цензура, как и большинство других вопросов внутреннего управления, подчинялась военным властям. В результате, например, ГВЦК была фактически отстранена от контроля над цензурой на фронтах и направляла работу лишь тыловых штабных комиссий.

В условиях «обновленного строя» в 1906–1914 гг. цензура официально из предварительной превратилась в «карательную»: автор и издатель могли выпустить книгу, газету или журнал, но за содержание по-прежнему несли ответственность. Сохранившееся ГУДП оставалось в подчинении МВД и заведовало обширной сетью цензурных установлений в столицах и провинции (комитеты и инспекторы по делам печати, инспекции книгопечатания и книжной торговли). При этом сохранялись и некоторые виды предварительной цензуры. Так, драматическая цензура при ГУДП имела право не допустить постановку той или иной пьесы. Цензура иностранная, как и в XIX в., просматривала все прибывавшие в Россию зарубежные печатные издания. Наконец, цензура Министерства императорского двора (МИДв) по-прежнему имела право предварительного просмотра произведений печати и искусства, в которых упоминались или изображались Николай II, царская семья и другие члены императорской фамилии.

С началом войны все эти цензурные органы не были упразднены, сохранилось их подчинение, структура, кадровый состав. При этом «Временное положение» фактически инкорпорировало их в общую военно-цензурную систему. В ее основу была заложена не унификация и централизация, а межведомственное взаимодействие: военное министерство, МВД, МИДв, МИД, министерство юстиции должны были объединить усилия для соблюдения военной тайны и недопущения разглашения сведений, могущих быть «вредными для военных интересов госу-

дарства». Эта формулировка из ст. 31 «Временного положения» заложила основы для политизации военной цензуры, которая была тем более вероятной, что военными цензорами в результате указанного межведомственного взаимодействия становились члены комитетов по делам печати, почтово-телеграфные чиновники и другие гражданские чины. С первых дней войны они фактически составляли кадровую основу военной цензуры, что неизбежно вело к ее политизации, использованию в борьбе с оппозиционными настроениями в печати, в речах и собраниях, на думской трибуне. В условиях политического кризиса лета 1915 г. деполитизация цензуры, введение ее в строгие «военные» рамки стала важнейшей задачей, которая, однако, так и не была решена до Февральской революции [7].

Основной массив документов военно-цензурных комиссий отложился в фондах Российского государственного военно-исторического архива. Фонд ГВЦК (ф. 13835) назван по тому, как комиссия называлась уже после организационных реформ лета 1917 г. – «Центральное военное почтово-телеграфное контрольное бюро». Более ста дел фонда содержат в основном переписку комиссии по поводу организации цензуры в тыловых губерниях империи. Местные цензоры просили решить, насколько та или иная статья в газетах, то или иное задержанное письмо соответствует установленным правилам цензурного контроля (прежде всего – постоянно обновлявшегося «Перечня» запрещенных к публикации сведений [8]). ГВЦК, таким образом, выступал чаще всего в роли арбитра при решении особо сложных и спорных ситуаций.

Запросы, отправленные в Петроград из прифронтовых военно-цензурных комиссий, касались в основном газетных статей. Разделение страны на зоны «полной» и «частичной» цензуры привело к многочисленным противоречиям и не-

стыковкам. Одна и та же статья могла быть разрешена в одной газете, но запрещена в другой. Нередки были случаи, когда цензоры запрещали одну и ту же статью для газет, выходявших в одном городе [7, с. 99–101]. ГВЦК занималась также общими вопросами структуры военно-цензурных органов, организацией труда, к ней обращались по проблемам бытового характера. При этом, хотя комиссия подчинялась ГУГШ в Петрограде, к собственно столичной военной цензуре она почти не имела отношения. Так как Петроград был в зоне «полной» военной цензуры, ее организацией с начала войны занимался штаб VI армии, располагавшейся в Петроградском военном округе. Уже осенью 1914 г. была создана отдельная Петроградская военно-цензурная комиссия (ПВЦК), взявшая на себя все организационные и хозяйственные вопросы по столице. Тем не менее на ГВЦК смотрели как на главный военно-цензурный орган и обращались к нему по разным вопросам, на что председатель комиссии генерал А. И. Звонников множество раз отвечал, что ГВЦК не уполномочена решать вопросы на территории театра военных действий. К примеру столичные «Биржевые ведомости» посылали генералу свои гранки, хотя он их точно не должен был просматривать [9]. При реформе военной цензуры, проведенной Временным правительством летом 1917 г., ГВЦК была переименована в Центральное военное почтово-телеграфное контрольное бюро, однако новых функций по управлению столичной и прифронтовой цензурой не получила и в таком двойственном положении просуществовала до весны 1918 г.

Наиболее крупной в годы Первой мировой войны была военная цензура в Петрограде. Ее документы в основном сосредоточены в фонде ПВЦК в РГВИА (ф. 13836). Масштабы столичной цензуры видны уже по величине фонда: 808 дел. Также документы комиссии отложились в фонде Петроградского военного округа

[10]. Другая опись этого фонда содержит документы военно-цензурного отделения [11], действовавшего обособленно от ПВЦК и ставшего частью длительной аппаратной борьбы в столичных военных «верхах» за влияние на петроградскую цензуру.

Бороться действительно было за что: военная цензура быстро стала политическим инструментом, способом влияния на печать, и за годы войны разрослась до нескольких тысяч человек, десятков ответвлений и направлений работы. ПВЦК руководила сложным конгломератом цензоров, работавших на почте и телеграфе, в местном комитете по делам печати, портовой таможне и на Финляндском вокзале. Петроград на тот момент – крупнейший в стране центр полиграфической промышленности, здесь выходили сотни газет и журналов, ежегодно выпускались тысячи книг и брошюр на десятках языков. Для просмотра такого объема печати необходимо было большое количество цензоров, от которых требовалось не только знание языков и «Перечня» запрещенных сведений, но и внимательность, усидчивость. Дежурства в петроградской военной цензуре проходили в две, иногда в три смены. Первая смена работала по ночам, чтобы успеть просмотреть гранки утренних газет до их выхода в свет. Вторая и третья смены смотрели дневные и вечерние издания, а также книги и журналы. Основная работа с газетами и журналами шла в военной цензуре при Петроградском комитете по делам печати, документы которой отложились в отдельном фонде в РГИА (ф. 778).

Часть переписки с цензурой можно найти в немногих сохранившихся редакционных архивах крупнейших периодических изданий. Стоит отметить фонды редакций московских газет «Русское слово» (ф. 595) и «Русские ведомости» (ф. 1701) в Российском государственном архиве литературы и искусства. Архивы петроградских изданий сохранились зна-

чительно хуже. Более-менее цельный фонд составляют хранящиеся в РГАЛИ документы главной кадетской газеты «Речь» (ф. 1666). Наибольшее недовольство ежедневных газет вызывали постоянные задержки гранок в цензуре, что приводило к постоянным опозданиям выхода номеров, особенно утренних. Если гранка статьи так и не приходила из цензуры, а переверстать номер уже было невозможно, то на полосах свежих газет появлялись так называемые «белые пятна». Петроградская и Московская военнцензурные комиссии пытались решить эту проблему через улучшение работы цензуры, повышение согласованности дежурных цензоров и редакций. Вопрос поднимался и при разработке нового «Положения о военной цензуре» Государственной думой в августе 1915 г. [7, с. 103–117]

Тем не менее проблема «белых пятен» лишь усугублялась и со временем приобрела политический подтекст. За ними читатель газет зачастую видел запрещенную «правду» о положении на фронтах и деятельности «темных сил», мешающих стране достичь победы. Понимая это, правительство стремилось исключить «белые пятна». Председатель Совета министров И. Л. Горемыкин намеревался запретить их с января 1916 г., однако в феврале того же года редакторам петроградских газет удалось уговорить нового премьер-министра Б. В. Штюрмера снять этот запрет, пообещав со своей стороны всячески избегать «белые пятна» [12]. Обещание, однако, не было выполнено, виной чему стали и цензоры, и сами редакции. По мере углубления политического кризиса в 1916 – начале 1917 г. «белые пятна» стали появляться только чаще, а символом цензурных исключений стал запрет на публикацию речи П. Н. Миллюкова в Думе 1 ноября 1916 г., в которой лидер кадетов фактически обвинил императрицу Александру Федоровну в связях с «темными силами». Думские речи периода «штурма власти» расходились

посредством подпольных брошюр, чему цензура уже не могла помешать. По словам самого Павла Николаевича, «наивная цензура... только подстегнула интерес к речам, подчеркнула их значительность» [7, с. 116].

В РГВИА также отложились отдельные фонды военной цензуры при столичных Главном телеграфе (ф. 13837) и Главпочтамте (ф. 13838). Перед этими видами цензуры стояла изначально невыполнимая задача предварительного просмотра десятков тысяч писем и телеграмм, ежедневно приходивших в Петроград. Крайне напряженная работа легла на плечи почтово-телеграфных работников, назначенных военными цензорами и, как правило, совмещавших цензуру со своими обычными обязанностями. Наибольшие трудности возникали при обработке зарубежной корреспонденции, которую для предотвращения шпионажа старались просматривать полностью. Согласно «Временному положению», частичной «выемке» подлежала и внутренняя корреспонденция по усмотрению цензора и контрразведки. Письма из армии не упоминались, однако на практике внимание к ним было особым. В еженедельных и ежемесячных цензорских отчетах составлялись таблицы с указанием процента писем с положительным («бодрые») и критическим взглядом нижних чинов на свою повседневную жизнь и на общее положение в армии и на фронтах. Фактически цензура проводила социологические «замеры» настроений в армии, показывая бытовые проблемы, взгляды солдат и офицеров на противников, внутреннее положение в стране, ожидания мира. Тем не менее этот источник имеет и очевидные ограничения. Понимая, что письма просматриваются цензурой, солдаты старались обходить «острые» темы, не говорить всю правду о своем положении, не высказывать свои мысли об офицерах и ходе войны.

Цензура фронтовой корреспонденции имела и другие ограничения, главное

из которых – количество. Уже в августе 1914 г. в тыл ежедневно отправлялись десятки тысяч писем, и быстрый просмотр их имевшимися силами цензуры был физически невозможен. Чтобы предотвратить передачу данных о перемещениях войск и других секретных сведений, было принято решение задерживать отправку на две недели, причем обычно этот срок был больше. Все это неизбежно приводило к скоплению огромных «залежей» корреспонденции, длительным задержкам и утере писем. Особенно болезненно на это реагировали солдаты и офицеры, а также их родственники, зачастую не получавшие вестей по несколько месяцев. Жалобы на работу почты и телеграфа приобрели столь массовый характер, что сами стали объектом для ограничений. Согласно инструкции Московской военно-цензурной комиссии от 23 января 1915 г., не допускались в печать «всякие нападки на почтовое ведомство по поводу сношений с действующей армией» [13]. Попытки уменьшить «залежи» предпринимались неоднократно, однако полностью решить этот вопрос так и не удалось.

С первых дней войны возник острый дефицит кадров, знавших иностранные языки и способных просматривать за смену большие объемы корреспонденции. Ввиду призыва на фронт военных чинов и работников почты и телеграфа основная нагрузка в этом деле легла на женщин, нанятых специально для перевода и просмотра писем и телеграмм как на русском, так и на иностранных языках. Уже к началу 1915 г. женщины составляли большинство работников цензуры. Хотя формально они именовались «переводчицами», их статус фактически был равен цензору. Они получали те же суточные деньги (3 рубля), могли работать по совместительству. В июне 1916 г. положение было окончательно выровнено: женщины официально стали именоваться «цензорами». Тем не менее определенные ограничения остались. Так, с периодической печатью работали исключительно

мужчины. Сохранялось и недоверие к женщинам, отличавшимся, по мнению руководства цензуры, «болтливостью» и неорганизованностью. В ходе проверок регулярно выяснялись факты самовольных отлучек с дежурств, выноса писем из цензуры, обсуждения их содержания в общественных местах [3].

Документы прифронтовых и тыловых органов военной цензуры рассредоточены по целому ряду федеральных и региональных архивов. Как и в случае со столичной цензурой, основная часть документов провинциальных цензурных органов сосредоточилась в РГВИА. Так как они в основном подчинялись командованию фронтов и военных округов, их документы можно найти в соответствующих фондах. Обычно документы военно-цензурных комиссий и отделений образовывали отдельную опись в фонде штаба, к примеру Одесского [14]. Количество дел и глубина архива фронтовой цензуры зависели от множества факторов, в первую очередь территориальных особенностей, организационных изменений, перевозок архива при перемещении штаба фронта или округа. Так, всего три дела содержит опись военно-цензурного отделения штаба Минского военного округа (ф. 1915). Напротив, в фонде штаба Двинского округа (ф. 1932) документы цензуры отложились в двух описях: военно-цензурного отделения штаба (оп. 5, 113 дел) и местной военно-цензурной комиссии (оп. 6, 131 дело). Столь значительный архив образовался в первую очередь из-за территориального состава округа. На момент формирования с началом войны в него были включены территории 12 густонаселенных западных губерний, имевших развитую печать и крупнейшую после Петрограда полиграфическую промышленность. При этом значительная часть цензурных документов отложилась в фондах штабов фронтов вследствие постоянной перевозки архивов, расформирования местных военно-цензурных комиссий, упразднения долж-

ностей военных цензоров в тех или иных прифронтовых городах.

В тыловых округах военно-цензурные комиссии, естественно, реже размещались и весь период войны действовали в центральных окружных городах. Архивы военно-цензурных комиссий сохранились в РГВИА в фондах штабов Казанского [15], Туркестанского [16], Иркутского [17] округов. Однако и здесь были свои особенности. Так, в Москве всей военной цензурой заведовала местная военно-цензурная комиссия, образовавшая также отдельный фонд в РГВИА (13839). Она подчинялась командующему Московского военного округа, однако делопроизводство в итоге велось отдельно, и в фонде штаба военно-цензурных документов нет. Архивы Иркутской комиссии, кроме упомянутой описи в фонде штаба округа, образуют также отдельный фонд (13867). Большая часть архива Казанской комиссии отложилась не в описи фонда штаба округа, а в отдельном фонде в Государственном архиве Республики Татарстан (1154).

Общей особенностью как федеральных, так и региональных архивов можно назвать образование для цензурных органов отдельных фондов, даже если они состоят из одного дела (что не редкость). Так, в РГВИА содержатся документы 48 военно-цензурных комиссий и пунктов, военных и отдельных цензоров, работавших как в крупных городах (Харьков, Самара, Саратов), так и в небольших (Радомысль, Умань, Дебальцево, Юзовка, Луга, Гдов и др.). В ряде случаев документы военно-цензурных комиссий и пунктов остались в региональных архивах. Так, документы Вятского военно-цензурного пункта отложились в фонде 1276 Государственного архива Кировской области, а Астраханского пункта – в фонде 858 Государственного архива Астраханской области. Архивные материалы отдельных (старших) цензоров в г. Сарапуле и на Ижевском заводе образовали фонды соответственно 254 и 255 в Госу-

дарственном архиве Удмуртской республики.

Значительная часть местных военных цензоров работала на почте. Так, 21 из упомянутых 48 фондов в РГВИА – документы военных цензоров при местных почтово-телеграфных конторах и отделениях. В большинстве случаев это были гражданские почтово-телеграфные чиновники, назначенные военными цензорами. Сведения о военно-цензурной работе на почте также можно почерпнуть из документов региональных архивов. К примеру, в фонде 110 Государственного архива Пермского края (Пермский почтово-телеграфный округ) содержатся: еженедельные отчеты военного цензора по г. Перми; секретные циркуляры председателя Казанской военно-цензурной комиссии; списки корреспонденции, подлежащей просмотру; переписка о найме помещения для военно-цензурного пункта и др. Военные цензоры на почте просматривали международную корреспонденцию, а также письма с фронта. Следует отметить, что проблемы почтовой цензуры в провинции были во многом схожи с теми, которые стояли перед цензорами в Петрограде и Москве: нехватка кадров, низкая оплата труда, большие завалы корреспонденции, непоследовательность в цензуровании печати, сложные отношения с газетными и журнальными редакциями, общее неприятие цензуры со стороны местного населения.

После Февральской революции цензура была отменена как фактически, так и юридически. Временное правительство упразднило ГУДП, отменялись придворная, драматическая, иностранная цензура. При этом уже весной 1917 г., на фоне огромного потока низкопробных и «порнографических» постановок и кинолент, встал вопрос о создании новых органов цензуры. Статус военной цензуры в первые месяцы оставался неопределенным: ее не отменили, но и не определяли ее положение в новых условиях. Явно не спешило в этом деле Министерство юс-

тиции и возглавлявший его А. Ф. Керенский, не желавший прослыть инициатором нового закона о военной цензуре и тем дать козырь в руки политических оппонентов. Резкие изменения в цензурной политике Временного правительства вызвал Июльский кризис власти. Так, 22 и 24 июля 1917 г. были приняты постановления о военном почтово-телеграфном контроле и о специальной военной цензуре печати. Принципиальным отличием от дореволюционной системы стало разделение военной цензуры на «военный контроль» почтовой корреспонденции и на цензуру печати. Планировалось сократить количество просматриваемых контролерами писем и телеграмм, жестко ограничить цензуру печати рамками «Перечня» запрещенных сведений, а также упразднить значительную часть военно-цензурных органов на местах, провести сокращение личного состава. Реорганизацию предполагалось провести в сентябре-октябре 1917 г., и на момент прихода большевиков к власти этот процесс еще не был завершен. Советская власть рассматривала цензурные органы как отживающие элементы «старого строя», приняв окончательное решение об их ликвидации к марту 1918 г. Однако многочисленные угрозы со стороны антибольшевистских сил, надвигавшаяся Гражданская война и интервенция заставили перестроить и переподчинить старые цензурные органы, начав, таким образом, историю уже советской военной цензуры.

Выводы

Дореволюционная военная цензура в России представляла собой сложную и многоуровневую структуру, отражавшую особенности работы позднеимперского

государственного механизма. Разработавшееся по крайней мере пять предвоенных лет «Временное положение о военной цензуре» было призвано поставить под цензурный контроль печатное слово, корреспонденцию, публичные выступления, театральную сцену и кинематограф. Военная цензура получала большие полномочия, выходящие далеко за пределы той цензурной власти, что оставалась в руках МВД и Министерства императорского двора. Однако правительство изначально не планировало создавать централизованную военно-цензурную структуру, предпочтя более понятный и традиционный путь усиления межведомственной координации без покушения на чьи-либо прерогативы. В результате военно-цензурные полномочия распространялись на органы, подчинявшиеся разным ведомствам, некоторые из которых (прежде всего, Военное министерство и МВД) в годы войны находились в сложных отношениях. Формально возглавлявшие военно-цензурные комиссии и пункты военные чины на деле уже в 1914 г. были в меньшинстве по сравнению с чинами гражданскими. Большую часть должностей военных цензоров занимали члены комитетов по делам печати, инспектора типографий и книжной торговли, почтово-телеграфные чиновники. Через этих своих подчиненных МВД фактически возвращала себе цензурные полномочия, отнятые после революции 1905 г. Оппозиция небезосновательно видела в этом предпосылку возврата к политической цензуре, прикрытой лишь маской цензуры военной. Поиск путей ограничения цензуры «военными» рамками стал важной частью внутривластного процесса накануне революции 1917 г.

Список литературы

1. Протасов Л. Г. Важный источник по истории революционного движения в царской армии перед Февральской революцией // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов, 1970. С. 3–18.

2. Demm E. *Censorship and propaganda in World War I: a comprehensive history*. London: Bloomsbury Academic, 2019. 348 p.
3. Алферова И. В. Женская история российской военной цензуры периода Первой мировой войны // *Российская история*. 2024. № 2. С. 115–126.
4. Алферова И. В., Блохин В. Ф. Печать, военная тайна и престиж власти: Один день из жизни российской военной цензуры времен Первой мировой войны // *Новый исторический вестник*. 2024. № 79(1). С. 6–30.
5. Гилазев З. З., Айнутдинов Р. А. Татарская периодическая печать времен Первой мировой войны // *Вестник Вятского государственного университета*. 2017. № 10. С. 53–56.
6. Богомолов И. К. Временное положение о военной цензуре: Проект 1910 г. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История*. 2022. № 3. С. 7–24.
7. Богомолов И. К. Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // *Российская история*. 2022. № 4. С. 96–117.
8. Батулин П. В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // *Ленинградский юридический журнал*. 2012. № 4. С. 152–157.
9. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 13835. Оп. 1. Д. 35. Л. 176.
10. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 5.
11. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 56.
12. РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 57. Л. 1, 6.
13. РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 8об.
14. РГВИА. Ф. 1837. Оп. 7.
15. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 11.
16. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 5.
17. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 6.

References

1. Protasov L.G. An important source on the history of the revolutionary movement in the Tsarist army before the February Revolution. *Istochnikovedcheskiye raboty = Source studies*. Is. 1. Tambov, 1970. P. 3–18. (In Russ.)
2. Demm E. *Censorship and propaganda in World War I: A comprehensive history*. London: Bloomsbury Academic; 2019. 348 p.
3. Alferova I.V. Women's history of Russian military censorship during the First World War. *Rossiyskaya istoriya = Russian History*. 2024;(2):115–126. (In Russ.)
4. Alferova I.V., Blokhin V.F. The press, military secrecy and prestige of power: One day in the life of Russian military censorship during the First World War. *Novyi istoricheskiy vestnik = New Historical Bulletin*. 2024;(79):6–30. (In Russ.)
5. Gilazev Z.Z., Aynutdinov R.A. Tatar periodical press of the First World War. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University*. 2017;(10):53–56. (In Russ.)
6. Bogomolov I.K. Temporary regulations on military censorship: Draft of 1910. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya = Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 5: History*. 2022;(3):7–24. (In Russ.)
7. Bogomolov I.K. The State Duma and censorship policy during the First World War. *Rossiyskaya istoriya = Russian History*. 2022;(4):96–117. (In Russ.)
8. Batulin P.V. Lists of military censorship of 1912–1923. *Leningradskiy yuridicheskiy*

zhurnal = *Leningrad Law Journal*. 2012;(4):152–157. (In Russ.)

9. RGVIA (The Russian State Military Historical Archive). F. 13835. Op. 1. D. 35. L. 176. (In Russ.)

10. RGVIA. F. 1343. Op. 5. (In Russ.)

11. RGVIA. F. 1343. Op. 56. (In Russ.)

12. RGVIA. F. 13835. Op. 1. D. 57. L. 1, 6. (In Russ.)

13. RGVIA. F. 13839. Op. 1. D. 5. L. 8 ob. (In Russ.)

14. RGVIA. F. 1837. Op. 7. (In Russ.)

15. RGVIA. F. 1720. Op. 11. (In Russ.)

16. RGVIA. F. 1396. Op. 5. (In Russ.)

17. RGVIA. F. 1468. Op. 6. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: bogomolov@inion.ru, ORCID: 0000-0001-8381-0284

Igor K. Bogomolov, Candidate of Sciences (Historical), Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: bogomolov@inion.ru, ORCID: 0000-0001-8381-0284